

Исчерпав территориальные ресурсы, город давно выплеснулся за пределы, отведенные ему историческим предназначением. Под лопасти строительного «миксера» подпали значительные территории ближнего и дальнего Подмосковья, которые осваиваются застройкой, отвечающей новому формату жизни. Хлынувший в столицу поток людей из регионов, сравнимый с великим переселением народов, востребовал сложение типологии загородных поселков, в которых комфорт сочетался бы с благоприятной экологической средой. Процесс перекройки ландшафта затрагивает не только Москву, но и крупные города, где также формируется качественно новая среда обитания. Стремление приблизить ее к стандартам европейского предместья не всегда оправдывает себя в отечественном контексте.

Эти явления редакция «АВ» попросила прокомментировать А.Хомякова. Будучи специалистом в области рекреационного строительства (см.: АВ, 1996, №2, 1999, №1, 2004, №2), архитектор согласился поделиться своими мыслями относительно перспектив современной загородной застройки. Его мнение интересно для нас тем, что высказывается человеком, находящимся «внутри процесса» и склонным анализировать события в контексте международной архитектурной практики: снискав известность в Берлине, А.Хомяков обрел признание также в Москве.

Александр Хомяков

Особенности национального уик-энда

Усадьба - дача - коттедж

Когда-то давным-давно загорода вообще не существовало. То есть загородом был весь мир, кроме Кремлей и монастырей. Царевы слуги не питали никакого интереса к жизни на природе. Они просто жили либо в селах и деревнях, что считалось «стыдным» делом, либо в царских теремах. В спектр их удовольствий не входило любование природой. Сады были только утилитарными - плодовыми: яблоневые, грушевые, сливовые и пр. Такими же были и огороды: аптекарские, травяные, просяные и пр. Если верить Н.М.Карамзину, загород был «чужим» пространством. Другое дело - Кремли и монастыри: декоративные сады появились там в XV-XVI вв. «Верховые» или «висячие» сады, искусственные водоемы, фонтаны, беседки - все это были робкие заморские диковины, сувениры. Как и мода на польскую одежду, немецкое оружие или итальянскую музыку. Бояре имели, конечно, свои имения, но радости в жизни на природе не понимали. Да и практического смысла было немного: имение давалось царем тогда лишь пожизненно.

Как известно, все изменилось при Петре. Петровские реформы - время, когда Россия особенно активно включилась в общеевропейский процесс развития культуры. Начало и середине XVIII века ознаменовало широкое проникновение в Россию западноевропейской эстетики. Цитаты и заимствования захватили все стороны российской жизни. Проникли они и в русский досуг. Петр заставлял своих приближенных отдыхать так, как «положено» в Европе, т.е. наслаждаться рукотворной природой: регулярными зелеными партерами, затейливо стриженными аллеями и кустарником, геометрическими клумбами, водными шутками и пр. Отчасти под это раздавались загородные земли - тем более что тогда они уже появились. Политические же реформы обернулись для владельцев сел и деревень тем, что они стали передаваться в наследство.

Так родилась русская усадьба - как эпоха, воспетая философами, художниками, поэтами и композиторами. Почти полтора века (середина XVIII - конец XIX вв.) последовательной эволюции - блистательная страница отечественной истории искусств.

Не сразу «новый курс» на активную загородную жизнь был принят. Дело доходило до курьезов. Так, некоторые новоиспеченные любители загорода строили себе загородные дома, полностью повторявшие их городские усадьбы: как внешне, так и внутренне, вплоть до мебели и развески картин. Ведь поначалу было непонятно - как это: уехать из городской жизни в какое-то другое место? Таким образом старались облегчить себе психологические тяготы переезда за город. Вообще на протяжении всего периода усадебного бума, и, особенно, в его начальной фазе, главным двигателем всего (архитектурной идеи, планировки парка, интерьеров, мебелировки, а также методов хозяйствования) было самодурство. «Безудержная фантазия доморощенных меценатов создавала часто смешные, чудаческие затеи, часто курьезные пародии, но иногда и очаровательные, самобытные и тем более неожиданные волшебства», - писал в начале XX века авторитетный исследователь мира усадеб барон Н.Н.Врангель. Усадьба начинает претендовать на то, чтобы быть пространством культуры, но не в городе, а на природе. Сюда свозятся привезенные из Европы картины, скульптура, здесь сочиняют поэты и композиторы, выступают европейские мыслители, власти дум и сердец передовой России. Именно здесь происходят сцены почти всех известных культовых драматических и исторических произведений. Здесь собираются масоны, зреют заговоры, стреляются герои, ведутся бесконечные и бесцельные дискуссии обо всем на свете. Но сюда же ссылаются в виде наказания. Поразительная законченность сюжета: помещик возделывает парк, создает в нем ландшафтными средствами «универсальный принцип космической гармонии, воплощающий собою мир», строит дворец в соответствии со своими представлениями об архитектуре и вкусами, собирает коллекцию искусства, укомплектовывает камерный «оркестр музыки», и сюда же ссылается царем за какие-то политические или этические проступки. Поэтому, конечно, достижение такой гармоничности всей системы ни к чему иному, как к угасанию и хирению, привести не могло.

Активный процесс преобразования или распада, как всегда в России, вызывается «революцией сверху». Отмена крепостного права послужила последним звонком перед началом второго акта освоения российского загорода.

Приблизительно в это же время в России зарождается и крепчает капитализм. Многие помещики разоряются. Купцы скупают их земли под строительство небольших загородных домов под аренду. Здесь нашли свое отражение и сюжет «Вишневого сада» А.Чехова, и судьбы многих известных усадеб (Архангельское, Царицыно). Глобальная урбанизация Петербурга и Москвы заставляют горожан искать спасения загородом. Так появляются дачные поселки. В конце XIX - начале XX века со словом «дача» связывалось и место отдыха, и особый образ жизни. Объявления об аренде дач даются в журналах и газетах. Как правило, дач снимали с мая по сентябрь. Чтобы позволить себе такую жизнь, не обязательно было быть богатым. Главная цель при этом - отдых от города и «поправление здоровья». Сама дачная жизнь должна была строиться по контрасту с городской. «Пить, есть, спать и гулять - вот образ жизни, который вернет вам силы», - советовали врачи.

В то же время дачная жизнь считалась символом пошлости. Отчасти это объяснялось разбросом цен на аренду, позволявшим снимать дачи в одном месте людям с самым разным уровнем доходов и положением в обществе. Это и называлось «пошлостью». Вынужденное соседство так или иначе нивелировало различия между людьми и создавало особую культурную среду. Создавался и особый мир архитектура. Полет фантазии архитектора ограничивался лишь вкусом и возможностями заказчика. Вполне естественно, что к началу XX века символом дачи стали образы «сказочного домика» или «теремка».

Первая волна - усадьба в Люблино (XVIII в.).

Вторая волна - дача в ближнем Подмосковье (фото 1960-х гг.).

Третья волна - коттедж в Подмосковье (начало 2000-х гг.).

First wave - an estate in Lyublino (18th century).

Second wave - a dacha in the near-Moscow region (photo of the 1960s).

Third wave - a cottage in the near-Moscow region (early 2000s).

После революции 1917 года дачная волна загородного строительства подверглась серьезным испытаниям, но перенесла их и сохранилась в своей целевой и архитектурной направленности. Трудящимся необходимо было где-то отдыхать. Но отдыхая, в отличие от дачи дореволюционной, дачники теперь уже и работали - помогали тем самым государству в продовольствии. Весь советский период дачной волны характеризуется этой аграрной составляющей уик-энда совслужащего. На 70 лет аптекарские огороды и плодовые сады вернулись на русскую землю из глубины XVII в. Те же самые метаморфозы произошли и с образом дачи - он стал практичнее. Те же «сказочные домики» и «теремки», но поменьше в размерах и попроще в отделке.

К тому же в советской даче проявилась дремавшая более полувека страсть к собиранию. Сюда, на дачу, начали свозить старую мебель, книги, журналы, бытовые приборы, гардероб и пр., отслужившие свой срок в советских городских квартирах. Те же музеи, по-своему. Здесь, так же как и в усадьбах, роилась передовая интеллигенция, гуляла, творила, «пенилась» и пряталась потом от режима. О советской даче не следует, наверное, много писать - она у всех у нас на виду. 100 лет русской дачи - от конца XIX до конца XX века - цельный и законченный период русского быта и, отчасти, культуры. Он ждет еще своих исследователей.

О развернувшемся в наше уже время загородном коттеджном строительстве исследователям задумываться пока рано. Пятнадцать лет - слишком малый срок для какого-либо анализа. Хотя в журналах картина русского коттеджного строительства выглядит довольно монолитно: сформированы типы поселков, выделены категории по площади, по характеру архитектуры, по удаленности от МКАД. Чувствуется, что инвесторы и девелоперы понимают, чего хотят. И совсем другие чувства появляются, когда глубже погружаешься в будни сегодняшнего русского уик-энда: разговаривая с заказчиками об их проектах, осматривая отдельные постройки и уже готовые построенные поселки. «Живьем» это выглядит, конечно, по-другому.

Как и дача, впитавшая в себя в комических чертах некие характеристики русской усадьбы, так и коттедж акцентировал в себе подчас нелогичные, иррациональные особенности и дачи, и усадьбы. И ими не ограничился. Сюда же сливаются заимствования из целого ряда «стилей жизни» американских магнатов, арабских шейхов, членов мафии и т.д.

Понятно, что это связано в первую очередь с исключительной широтой, неопределенностью и подвижностью социального происхождения заказчика. Людей какой профессии и какой национальности только нет среди них! Так, посетив один из поселков на «Рублевке», можно наблюдать удивительное соседство дома-обсерватории, дома-бассейна, дома-храма и дома-мавзолея. Не обладая большим воображением, сразу видно, кем в прошлом были по профессии или образованию их владельцы. Попадают и чисто эстетические откровения: русская изба (тот же «сказочный домик»), выполненная в микшированном хай-теке.

Не только социальное происхождение, но и функциональное назначение современного русского коттеджа подвержено широкому разбросу. Подавляющее большинство целевых установок при приобретении коттеджа - получение недвижимости и сохранение тем самым своих капиталов. В первую очередь именно это является назначением жилища в сложившихся сегодня условиях. И потом уже - постоянное или временное проживание, семейного или подарочного характера, представительского или офисного назначения.

Часто можно услышать: семья заказчика из трех человек заказала коттедж на 2500 м². Понятно же сразу, о чем идет речь: там будут жизнь охрана и обслуживающий персонал. Ребенок этой семьи наверняка учится за границей, куда часто выезжает и семья. Школы, детские сады и досуговые центры в таких поселках необходимо сразу ориентировать на детей тех, кто непрерывно проживает в поселке - т.е. «челядь». Распространена практика передачи таких коттеджей на постоянное пользование друзьям хозяина или его дальним родственникам-пенсионерам. Да и о каком режиме постоянного проживания в коттеджном поселке может идти речь при наших загруженных автодорогах?

И все же при всей пестроте и противоречивости эпоха коттеджного строительства по целому ряду признаков созвучна эпохе усадебной. Они имеют много общего и, прежде всего, неумение жить за городом, отсутствие прочной традиции, на которую можно было бы опереться. Скорбным подтверждением этого могут служить пронзительные образные параллели между ландшафтом современного коттеджного поселка и хорошим европейским кладбищем - пространством, лишенным какого-либо жизненного наполнения, с мерно возвышающимися похожими один на другой эклектичными склепами из кирпича и гранита. В отличие от российского западного загород - абсолютно внятное, очерченное явление, отличающееся наличием известной исторической непрерывности, определенностью социального адреса, рациональной планировочной и социальной организацией в устоявшихся формах. За редким исключением у западного человека всегда один дом: «Мой дом - моя крепость», две крепости - это нелепость. Отпуск он проводит на Адриатике, в Альпах, на Карибах, но никак не в собственной загородной резиденции. Лишь в странах бывшего социализма - Восточной Европе - вероятно, благодаря нашему влиянию - у какой-то части горожан имеются свои бунгало за городом.

Как когда-то загорода не существовало, так его может и не быть в будущем. Многие поселки, сегодня относящиеся к загородным, вот-вот будут поглощены стремительно разрастающимися столичным мегаполисом и подмосковными городами, превратившись в пригороды со всеми вытекающими последствиями - как позитивными, так и негативными.

